

782
K-65

КОНЦЕРТЫ
М.Е. ЛЯТНИЦКАГО
СЪ КРЕСТЬЯНАМИ.

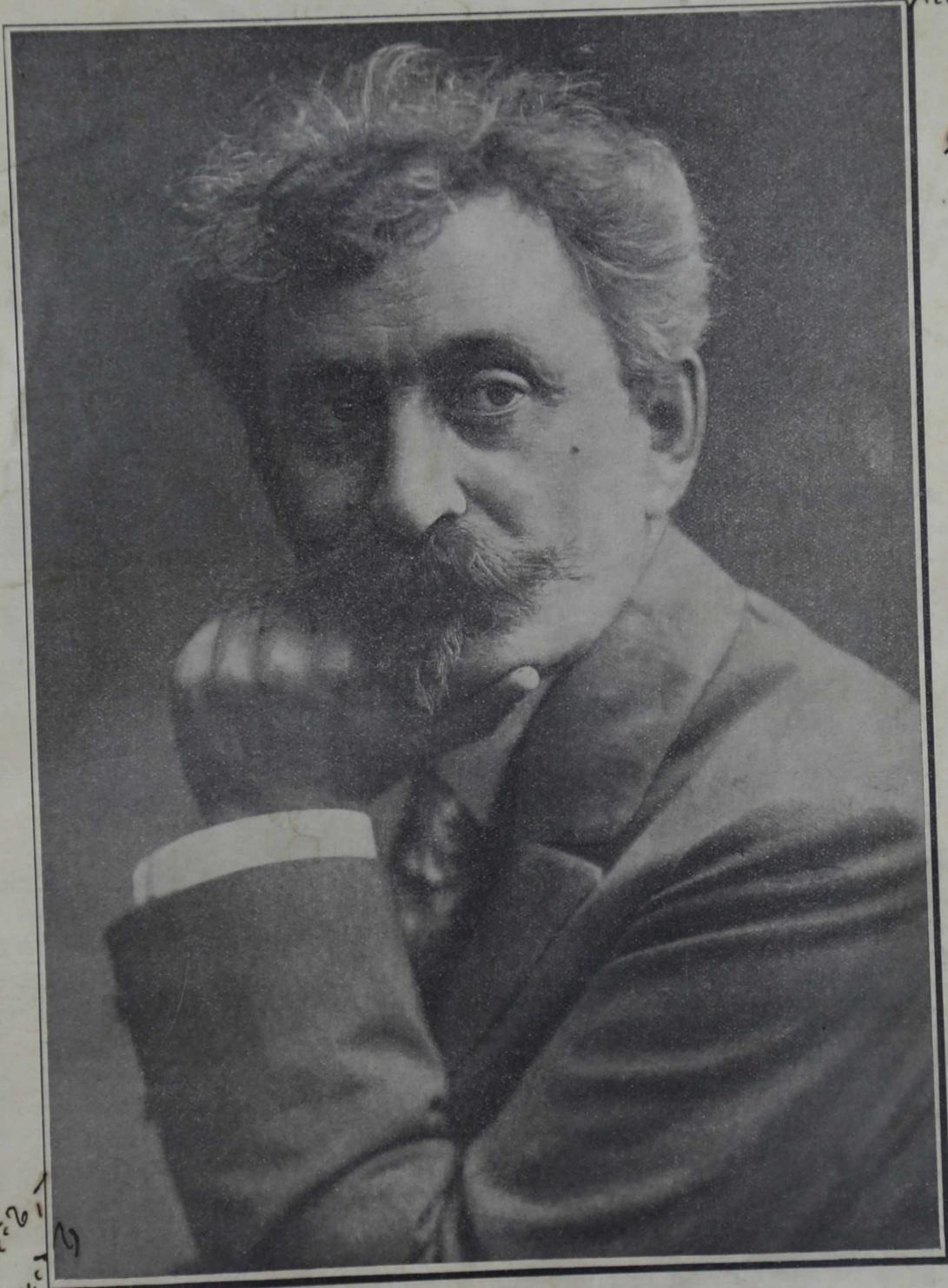
ИЗДАНИЕ
РОБЕРТЪ КЕНЦЪ.
МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ ДОМЪ №5.

... " Пусть они ибьются все шире и шире,
 Вонше и вьше сирешяев,
 Это-ваи непоибко въ Россіи,
 Но въ ширь-Русская итвенъ несчаствіи,

Милой Ризини Евленичн
 на память!

М. С. Пятницкій
 25/26 Декабря
 1917.

М. С. Пятницкій,

собиратель народных пѣсень, Членъ Музыкально-этнографической Комиссіи при Московскомъ
 ИМПЕРАТОРСКОМЪ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

БИБЛИОТЕКА 6356
 ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
 ПОВЫШЕНІЯ КАЧЕСТВА НАЦИИ
 РУКОВОДЯЩАЯ И ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТНИЦА

горитъ
 минаетъ

Старинная Русская Пѣсня

Охъ, ты воспой же,
Ты только воспой,
Охъ, воспой, жавороночекъ,
Весной на проталиникъ!

Въ настоящее время, какъ извѣстно, быстро исчезаетъ изъ народной среды старинное русское искусство во всѣхъ его видахъ, замѣняясь новыми посторонними вѣянiями, доходящими до простаго народа изъ „культурныхъ“ слоевъ. Такъ, напр., живописные прежнiе русскiе простонародные костюмы по деревнямъ все больше и больше замѣняются каррикатурнымъ подражанiемъ тѣмъ модамъ въ одеждѣ, которыя господствуютъ въ городахъ. То же происходитъ и въ области музыки и пѣнiя. Чудные древнiе русскiе напѣвы духовныхъ стиховъ, былинь, историческихъ, бытовыхъ, обрядовыхъ, хороводныхъ и друг. пѣсенъ до такой степени быстро забываются и замѣняются различными заимствованными изъ городовъ мотивами, до кафе-шантаныхъ куплетовъ включительно, — что теперь старинные русскiе народные напѣвы можно услышать только въ самой

глухой деревнѣ и при томъ только отъ самыхъ старыхъ крестьянъ.

Цѣнители русской народной музыки, поэтому стали послѣднее время съ особеннымъ усердiемъ собирать эти старинные напѣвы для того, чтобы спасти ихъ отъ полнаго забвенiя, которое, несомнѣнно, должно наступить очень скоро, если не будутъ приняты мѣры къ предотвращенiю этого.

Однимъ изъ дѣятельныхъ, въ настоящее время, собирателей и воспроизводителей русскихъ народныхъ пѣсенъ является, какъ пишетъ въ своемъ письмѣ В. Г. Чертковъ, — г. Пятницкiй, посвятившiй этому дѣлу десять лѣтъ упорнаго труда во время своего досуга отъ обязательныхъ занятiй по службѣ. Цѣль его не ограничивается однимъ только собиранiемъ напѣвовъ ради „коллекционерства“. Онъ горитъ желанiемъ подѣлиться съ русскимъ обществомъ этими сокровищами

древне-русского творчества. Онъ убѣжденъ въ томъ, что, если русское культурное общество ознакомится съ самобытными русскими пѣснями, то онѣ не смогутъ не полюбиться ему больше тѣхъ вводимыхъ въ Россію, главнымъ образомъ, изъ заграницы, пошленькихъ мотивовъ, которые въ настоящее время такъ широко распространяются въ городахъ и волною идутъ въ деревню, развращая всеобщій вкусъ къ истинному народному искусству. Г. Пятницкаго поддерживаетъ надежда въ томъ, что взятыя имъ у народа пѣсни, сдѣлавшись популярными среди образованнаго населенія, будутъ перениматься обратно той самой народной средой, которая ихъ въ минувшіе вѣка создала и что, такимъ образомъ, „твоя отъ твоихъ“ вернется къ простому русскому народу въ область музыкальнаго творчества то, что онъ самъ создалъ и что по своему истинному художественному достоинству гораздо выше того, чѣмъ онъ въ настоящее время такъ быстро извнѣ заражается и развращается.

Г. Пятницкій не довольствуется ознакомленіемъ общества съ народной русской пѣсней, но расширяетъ свою задачу, стараясь, вмѣстѣ съ пѣніемъ, выставить и ту бытовую обстановку, при которой поются тѣ или другіе напѣвы. Онъ показываетъ народные обряды, даетъ соотвѣтствующіе напѣвамъ костюмы и декораціи. Самая же главная и цѣнная особенность концертовъ Пятницкаго та, что народныя пѣсни исполняются большею частью не наряженными въ мужицкіе костюмы артистами профессионалами, перенявшими пѣсни у народа, а настоящими живыми носителями этихъ напѣвовъ. Такимъ исполнителямъ нѣтъ надобности ни одѣвать чужой одежды, ни поддѣлываться подъ „русскихъ мужиковъ“. Они сами — русскіе мужики, и поютъ они „какъ умѣютъ“, какъ поютъ у себя гдѣнибудь „на завалинкѣ“, на „посидкахъ“, въ хороводахъ, на дѣвичникахъ или свадьбахъ.

Вся музыкальная Москва приходила слушать концерты г. Пятницкаго съ крестьянами. Музыкальные критики помѣщали на столбцахъ московскихъ газетъ востор-

женные отзывы: „пѣсни исполняемыя крестьянами очень интересны и по словамъ, и по напѣвамъ; среди нихъ есть прямо жемчужины, но особенную окраску и значеніе они получаютъ въ народномъ исполненіи“ — (Русскія Вѣдомости); „громадная заслуга М. Е. Пятницкаго именно въ томъ, что онъ привезъ поющую деревню изъ медвѣжьихъ угловъ сюда, въ сердце Россіи, оторванное отъ этихъ угловъ. Пѣсни поются удивительно стройно и хорошо, такъ поютъ именно для себя, въ силу накопившейся въ груди потребности—пѣть“ (Русское Слово); „и эти никому невѣдомыя Аринушки, Николаи Иванычи, Прасковьи Федоровны — зачастую такъ владѣютъ своимъ искусствомъ въ его цѣломъ (мелодія, гармонія, контрапунктъ, музыкальная экспрессія), что трудно понять, какъ, занимаясь этимъ искусствомъ между дѣлами, можно такъ артистично передавать его слушателямъ, при томъ въ совершенно необычной для исполнителей обстановкѣ“, — (Музыка); „концерты крестьянъ явились цѣлымъ событіемъ въ музыкальной жизни не только Москвы, но и Россіи“ (Музыка и Жизнь); „искатели новыхъ формъ музыкальнаго творчества забрели въ тупикъ, запутались въ хитрыхъ комбинаціяхъ хроматическихъ модуляцій, энгармоническихъ замѣнъ, гармоніи на тоновой гаммѣ и проч. Но они слѣпо не видятъ, что есть новая оригинальная область, открывающая огромныя перспективы — русская пѣсня. Здѣсь могутъ быть найдены новые законы гармоніи, дано новое направленіе искусству, здѣсь — новый источникъ вдохновеній“... (Новь).

Публика, впервые услышавшая старинную русскую пѣсню въ исполненіи пѣвцовъ-крестьянъ, была поражена красотой мелодіи, вышедшей изъ горнила русскаго народнаго творчества минувшихъ вѣковъ, — горячо и восторженно привѣтствовала деревенскихъ пѣвцовъ и выразила все это поднесеніемъ адреса. Такой успѣхъ концертовъ, помимо ихъ общаго художественнаго интереса, по словамъ В. Г. Черткова, объясняется еще и тѣмъ, что самъ г. Пятницкій, обладая музыкальнымъ дарованіемъ, учившись пѣнію у лучшихъ

представителей этого искусства (маэстро Эверарди) — вполне располагалъ необходимыми данными для того, что бы выдѣлить изъ народнаго пѣнія то, что есть въ немъ дѣйствительно замѣчательнаго и воспроизвести это на своихъ концертахъ въ самой типичной формѣ и изящной отдѣлкѣ. Благодаря знанію метода правильной „постановки“ голоса, г. Пятницкій выбиралъ для участія въ концертахъ пѣвцовъ—крестьянъ, у которыхъ отъ природы, болѣе или менѣе, правильно звучать голоса. „Дай намъ на голосъ попасть!“ — говорятъ иногда крестьяне. Сначала г. Пятницкій думалъ, что это крестьяне — пѣвцы просто хотятъ пѣть пѣсню тономъ выше или ниже. Дается тонъ. А крестьяне отвѣчаютъ: „не то... ты понимаешь, на „голосъ“ не попадешь, на

„легкоту“, что-бы онъ, голосъ-то шель, какъ „по маслу“... Одинъ крестьянинъ на заданный ему вопросъ — „чѣмъ и какъ ты поешь?“ — подумалъ сначала и потомъ глубокомысленно отвѣтилъ: „животомъ“ (другими словами — діафрагмой).

Изрѣдка устраиваетъ г. Пятницкій такіе концерты въ Москвѣ, но до постоянной, хорошо организованной постановки дѣла къ сожалѣнію, еще далеко.

При болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, которыя дали бы возможность г. Пятницкому развернуть шире свою дѣятельность по распространенію и ознакомленію широкой русской публики съ родными пѣснями, — эти концерты устраивались бы не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ городахъ нашей необъятной Руси.

Крестьяне Воронежской губерніи.

МИТРОФАНЪ ЕФИМОВИЧЪ!

Сегодня въ Москвѣ, среди тревогъ и суеты большого города, разливалась, звенѣла, смѣялась и плакала старая русская пѣсня.

Въ глухихъ, заброшенныхъ деревняхъ, хранящихъ до сихъ поръ живыя преданія далекой старины, Вы отыскали и соединили настоящихъ художниковъ этой пѣсни, проникнутыхъ ея образами и не отдѣляющихъ глубокаго чувства отъ исполненія.

Въ спѣтыхъ ими былинахъ они напомнили намъ, что русская земля рождала великихъ правителей и могучихъ богатырей, воплощений народнаго разума, духовной и тѣлесной мощи.

Въ духовныхъ стихахъ, внушенныхъ глубокою вѣрою и прирожденнымъ нравственнымъ чувствомъ, выразилась сила, поднимающая и укрѣпляющая человѣка.

Въ бытовыхъ пѣсняхъ звучали радость и горе, любовь и страданіе, веселье и тоска, и широкое, великое чувство къ природѣ.

И какъ все это искренно, какъ далеко отъ искусственности!

Слово со звукомъ сливались, какъ члены одного тѣла, въ одно цѣлое, въ одну прекрасную форму.

Тотъ, кто любитъ шумъ нашихъ лѣсовъ, родное приволье луговъ и полей, ясную гладь нашихъ рѣкъ и тебя, русскій народъ, — тотъ никогда не исторгнетъ изъ души своей тебя, старая русская пѣсня, и будетъ цѣнить тебя, какъ чистое золото творчества, чувства и невидимой и вѣчной власти надъ душою.

М. Е. Пятницкій, записывающій народныя пѣсни крестьянъ.

Вяч. Пасхаловъ.

ОБЗОРЪ

музыкальной конструкціи записанныхъ М. Е. Пятницкимъ
Воронежскихъ пѣсень въ связи съ характерными особенностями
Великорусскаго пѣсеннаго склада.

ОБЗОРЪ

музыкальной конструкціи записанныхъ М. Е. Пятницкимъ, Воронежскихъ пѣсень въ связи съ характерными особенностями Великорусскаго пѣсеннаго склада.

Пѣсни, которыя мы печатаемъ ниже, извлечены изъ обширной пѣсенной коллекціи, собранной при помощи фонографа г. Пятницкимъ во время его неоднократныхъ лѣтнихъ поѣздокъ въ Воронежскую губернію.

Количество и качество мелодій, вошедшихъ въ это собраніе, служитъ документальнымъ доказательствомъ того, что названная губернія еще сравнительно недавно представляла изъ себя богатый рудникъ старинной народной музыки.

Въ репертуаръ крестьянки Арины Колобаевой, которая вмѣстѣ со своими дочерьми была главнымъ поставщикомъ художественнаго матеріала, добытаго г. Пятницкимъ въ своемъ родномъ Бобровскомъ уѣздѣ, вошла, выражаясь языкомъ старинныхъ учебниковъ, вся народная словесность, всѣ тѣ разнообразныя по содержанию и настроенію пѣсни, которымъ кабинетные люди присвоили несуществующія въ народѣ названія: „былины“, „историческія пѣсни“, пѣсни „обрядовыя“, „лирическія“ и другія.

При обзорѣ всего этого матеріала мы не будемъ касаться вопросовъ, связанныхъ съ пѣсенными текстами; насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ чисто музыкальная сфера.

Очень трудно, словами описывать чисто музыкальныя явленія; даже нотные примѣры, приводимые изслѣдователемъ для иллюстраціи своихъ мыслей, не для всѣхъ являются убѣдительными. Кромѣ того, при помощи словесныхъ или нотныхъ объясненій, совершенно уже невозможно дать понятіе о характерѣ исполненія данной пѣсни и о тембрѣ хоровыхъ голосовъ и народныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Однако, при помощи фонографа, который въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія сталъ уже и въ Россіи съ успѣхомъ примѣняться¹⁾ при записи народныхъ пѣсень, и невозможное становится возможнымъ. И въ данномъ случаѣ фонограммы (пластинки), воспроизводящія во всей точности разсматриваемыя нами пѣсни и сохраняющія ихъ подлинную звуковую окраску, послужатъ прекрасной, живой иллюстраціей къ нашимъ объясненіямъ.

Эти послѣднія приходится начать нѣсколько издалека и прежде всего отмѣтить, что, несмотря на то, что запись русскихъ

¹⁾ По почину собирательницы народныхъ пѣсень Е. Э. Линевой.

А я по лугу гуляла.

*А я по лугу гуляла,
Съ комарикомъ плясала,
Мнѣ комаръ ножку —
Комаръ ножку отдавилъ,
Суставчики раздробилъ.*

У русскаго народа большею частью грустные пѣсни, но онъ поетъ и веселые. Смѣется иногда отъ души, здоровымъ смѣ-

хомъ... Послушайте этого „Комарика“ въ исполненіи крестьянъ и тогда только вы поймете сколько юмора въ каждомъ словѣ:

*„Отрублю ему голову,
„Покатилась голова
„За дальнія ворота...*

Слова не требуютъ поясненія. Когда же вы услышите мелодію, слегка обвѣянную грустью, вы не можете не улыбнуться такому

несоотвѣтствію грустной мелодіи съ смѣшнымъ, веселымъ текстомъ. Нужно замѣтить, что подъ эту пѣсню пляшутъ „русскую“.

Ужъ ты, вѣснушка, ты весна.

*Ужъ ты вѣснушка, ты весна,
Охъ намъ не въ радость
Ты весна пришла;
Краснымъ дѣвкамъ —
Превеликая сухота!....*

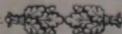
Вотъ какъ встрѣчаетъ русская дѣвушка весну. „Намъ не въ радость ты весна пришла“... Почему же?

— „Краснымъ дѣвкамъ—превеликая сухота“...

Какой простой отвѣтъ. И какъ эта простота захватываетъ вашу душу, когда вы слышите все это отъ русской дѣвушки, вы-

сказывающей всѣ свои завѣтныя желанія, среди окружающей ее деревенской природы, въ звукахъ дивной мелодіи...

Чего, чего не передумаетъ она вечернею зарею прислонившись къ садовому плетню— въ предвидѣніи счастья съ милымъ сердцу... вотъ и сухота!...

Закаталась красное солнушко.

*Закаталась красное солнушко
Все за темные лѣса,
Да все птишки приумолкнули,
Все садились они по мѣстамъ.
Какъ подъ деревомъ, подъ ветлиною,
Тамъ хижина стоитъ;
Какъ во этой хижинѣ,—
Тамъ солдатская вдова живетъ.*

Настоящая пѣсня рисуетъ картину русской солдатской службы Николаевскихъ временъ. Срокъ службы былъ двадцатипятилѣтній. Люди поступали на службу молодыми, а

приходили стариками. И, конечно, ихъ не узнавали родные, когда они возвращались со службы.

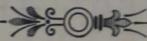
*„Какъ нечаянно къ ней (солдатской вдовѣ)
„Постучались два героя подъ окно“*

И эти герои оказались:

*„Одинъ герой воззрѣлъ на мѣть“—ея сынъ,
„Другой—какъ бѣлый снѣгъ“—ея мужъ.*

Все лучшіе годы человѣческой жизни тратились на военную службу. Отъ мелодіи

этой пѣсни вѣетъ особенною грустью.

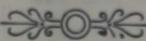

Полоса моя, полосынька.

*Полоса моя, полосынька,
Ой, полоса моя непаханая,
Не пахана, не волочена,
Заросла моя полосынька
Частымъ ельничкомъ, березничкомъ,
Молодымъ, горькимъ осинничкомъ.*

Какъ соловей весной ранней поетъ своей подругѣ пѣсни, какъ любимой дѣвушкѣ нашептываетъ грезы о счастья ея суженый, такъ русскій крестьянинъ обращаетъ свои проникновенныя ласки къ своей полосынькѣ. И немудрено. Полосынька для русскаго крестьянина все. Это—его жизнь, его кормилица. Безъ полосыньки русскій крестьянинъ жить не можетъ. Ему безконечно жаль

своей полосыньки, что она не пахана, — заросла она березничкомъ. Словно мать причитаетъ надъ своимъ ребеночкомъ. Заросла полосынька... Почему-же?... — Вѣтерокъ несетъ печальный отвѣтъ: „вашему пахарю моченьки нѣтъ“. А быть можетъ... „по Владиміркѣ пахаря гонять, за широкій, за вольный размахъ“...

Соловей—соловьишникъ.

*Соловей—соловьишникъ,
Что-жъ ты не весель сидишь-то,
Повѣсилъ свою юловушку—
Корму не клюешь?...*

Много горькаго, тяжелаго вынесъ на своихъ плечахъ русскій народъ. Княжескія междоусобицы, татарское иго и другія историческія событія поработали въ русскомъ на-

родѣ чувство свободы. Но несмотря на все это, онъ сохранилъ это чувство въ глубинѣ души своей и только въ пѣсняхъ своихъ порою выливалъ всю затаенную скорбь:

*„Клевалъ-бы я ваши зернушки,
„Да воленьки нѣтъ,
„Пѣлъ-бы я вамъ ваши пѣсенки,
„Да юлосу нѣтъ“...*

Эхъ—да, ужъ вы ночи.

*Эхъ-да, ужъ вы ночи,
Ночки темныя,
Эхъ-да вечерочки,
Вечерочки развеселые,
Эхъ-да всѣ я ноченьки
Млада „просижвыла“,
Всѣ я думушки
Млада „продумвыла“,
Какъ одна дума
Съ ума „нейдетъ“,
Охъ-да съ ума—разума.*

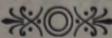
Всѣ я ноченьки млада „просижвыла“, всѣ я думушки млада „продумвыла“.... Такъ исповѣдуетъ свою душу русская женщина.

О чемъ эти мучительныя думы, эта скорбь? Что случилось?

*—„Я сама, дѣвка, луна сдѣлала: (продолжается исповѣдь)
„При бесѣдушкѣ дружка „пронѣвыла“
„Назвала ея — „юрькимъ пьяницей“.*

Развѣ въ этой пѣснѣ не сказывается особенная красота души русской женщины

и все ея скромное величіе!

Веселая бесѣдушна.

*Веселая бесѣдушка,
Эхъ, идѣ батюшка пѣтъ,
Онъ пѣтъ, не пѣтъ, родимый мой,
За мной молодой шлетъ,
Охъ, а я млада, что младешенька замѣшкалася,—
Что за утками, что за гусями, за лебедями.*

Пѣсня записана въ Смоленской губерніи. Поютъ эту пѣсню женщины и, большею частью, на свадьбахъ. Мотивъ пѣсни очень грустный. Дѣвушка крестьянка съ выходомъ въ замужество часто несетъ крестъ мученицы. Она попадаетъ въ тяжелую обстановку семейной жизни: „свекоръ - варчливый, свекры-

кропотлива, деверь - злой насмѣшникъ, золовка - смутьянка“. А всѣмъ нужно угодить. Вотъ и вспоминается ей „веселая бесѣдушка“ родительскаго дома, гдѣ и она была любима, гдѣ и она когда то смотрѣла радостно на окружающій міръ.

И—охъ пошелъ онъ, нашъ королінка.

*И—охъ пошелъ онъ, нашъ королінка,
На гуляныце,
Оставилъ онъ жену свою —
На горяванье,
Да самъ пошелъ королінка
На круту юру.*

Пѣсня эта записана въ Воронежской губерніи и, очевидно, происхожденіе ея не чисто великорусское. Въ пѣснѣ говорится о королѣ,

о его женѣ „Марусенькѣ“, которая въ отсутствіи мужа, родивъ ребенка,—умерла. Король же видѣлъ сонъ:

*„Онъ спать — не спалъ королінка,
„Привидѣлся сонъ:
„Изъ - подъ правой изъ подъ руки —
„Соколъ вылеталъ,
„Изъ подъ лѣвой изъ - подъ руки —
„Огра утица.*

Сонъ этотъ отгадала королю ворожея сказавъ, что въ домѣ его неблагополучно. Король поспѣшилъ въ свой замокъ и засталъ

жену свою и ребенка лежащими въ гробу. Мелодія этой пѣсни соотвѣтствуетъ тексту, т. е. грустная.

Не будите меня молоду.

*Не будите меня молоду,
Ранешенько поутру,
Вы тогда меня взбудите,
Когда солнышко взойдетъ,
Пастухъ выйдетъ на лужекъ,
Заираетъ во рожекъ,
Хорошо пастухъ играетъ,
Выовариваетъ...*

Пѣсня эта рисуетъ веселую картинку деревенской жизни. Какъ пріятно бываетъ, когда среди мрачныхъ тучъ проглянетъ солнышко и лучами своими согрѣетъ душу,

такъ радостно слышать среди, большею частью, грустныхъ крестьянскихъ, старинныхъ пѣсень — живую картину деревенской жизни:

*Выоняйте, вы скотину
На широкую долину,
На попову луговину.
Гоняте дѣвки, гоняте бабы,
Гоняте малые ребята,
Гоняте стары-старушки,
Мірошды мужики.
Гоняте старыя старушки.
Мірошдовы женушки.*

Наконецъ, собрали стадо. А послѣ становились они вокругъ.

*Одна дѣвка удала
Съ пастушкомъ плясать пошла:
Она пляшетъ, платкомъ машетъ,
Пастушка къ себѣ зоветъ,
Пойди ко мнѣ пастушокъ,
Пойди миленькій дружекъ...*

Поется пѣсня вольно, широко.

Тушите лучинушку (свадебная).

*Тушите лучинушку,
Ложитесь спать,
А мнѣ молодешенькѣ
Всю ночь не спать:
Свашеньку мнѣ ждать,
Завтра мою косынку
На двѣ расплетуть...*

Пѣсня „Тушите лучинушку“ переноситъ слушателя въ далекую старину, когда вмѣсто свѣчей и керосина, жилища помѣщенія освѣщались только лучиною (мелко-разщепленное дерево, преимущественно береза). Въ то время существовалъ такой обычай: просватанная дѣвушка собирала въ избу своихъ родителей подругъ и вмѣстѣ съ ними шла

приданое (дары). Долгіе осенніе вечера и ночи горѣла лучина. Дѣвушки работали и пѣли специально приуроченныя къ этому обычаю — пѣсни. А вотъ, наконецъ, обращается къ своимъ подругамъ и невѣста: „тушите лучинушку“.... Сколько затаенной грусти въ этой чудной мелодіи! Отъ нея вѣетъ такой стариной....

Гуляла чечетка.

Гуляла чечетка,
Гуляла лебедка
Въ зеленомъ саду. (2 раза).
Поймали чечетку,
Поймали лебедку
Въ зеленомъ саду. (2 раза).
Посадили чечетку,
Посадили лебедку
За рѣшоточку. (2 раза).
Сидѣла чечетка,
Сидѣла лебедка
Ровно семь годовъ. (2 раза).
Нажила себѣ чечетка,
Нажила себѣ лебедка
Ровно семь дочерей. (2 раза).

И Дарью, и Марью, Арину и Марину,
Степаниду, Салманиду,
А седьмую Катерину,
Душу Катеньку....
.....
.....
Нажила себѣ чечетка
Ровно семь зятѣвъ:
Степана, Романа,
Дементія, Клементія,
Сергья, Астинья,
А седьмаю Алексья,
Дурака, — Лешеньку.
Помилуй, сударь, баринъ, (2 раза)
Моихъ семь зятѣвъ.....

Пѣсня записана въ Рязанской губерніи. Поется крестьянами стройно, ритмично и главное серьезно, отчего пѣсня принимаетъ еще болѣе комическій (шуточный) характеръ. За то послѣ, когда пѣсня окончена, — всѣ пѣвцы - крестьяне непременно разсмѣются.

Чтой-то звонъ.

Чтой-то звонъ,
Чтой-то звонъ,
Въ нашей колокольни?
Не про насъ-ли, другъ Ванюша,
Все бають-цутарють.
Пушицой бають, цутарють,
Авось перестануть.
А мы съ тобой, другъ Ванюша,
Въ любви наживемся,
Въ любви, въ любви наживемся,
Да врозь разойдемся,

Не ты ко мнѣ,
Не я къ тебѣ
Не будемъ ходити.
Не ты мене,
Не я тебе
Не будемъ любити.
Хорошо было свыкаться
Подъ бѣлой березой,
Тошно, грустно разставаться
Подъ юрькай осинай.

Пѣсня записана въ Воронежской губерніи, подъ эту пѣсню пляшутъ „русскую“.

А вѣ, кумушки, домой.

А вѣ, кумушки домой,
Вѣ, голубушки домой,
Ай домой, домой, домой, (2 раза)
А я домой не пойду, (2 раза)

Ой не пойду, не пойду, (2 раза)
А я тутъ ночую, (2 раза)
Ой ночую, ночую. (2 раза)

Пѣсня записана въ Рязанской губерніи, поется обыкновенно, послѣ „веселой бесѣды“, когда гости расходятся по домамъ. Поется ритмично и съ необыкновенной удалью.

МАЛОРОССИЙСКІЯ.

Духовный стихъ.

Пшла Дѣва Марія.

*Пшла Дѣва Марія
На круту гору.*

Аллилуія.

*На круту гору
Христа шукати.*

Аллилуія.

*Та незнашла Христа
Середъ жидовья.*

Аллилуія.

*Чи ни вы-ли, жиды
Христа распьяли?*

Аллилуія.

*— Ні, не мы Дѣва,
Не мы, Святая.*

Аллилуія.

*Распьяли Христа
Діды, продіды.*

Аллилуія.

Духовный стихъ записанъ въ Воронежской губерніи въ малорусскомъ селеніи, находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Воронежа и окруженнаго сплошь великорусскими селеніями. Удивительно, какъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, эта горсточка малороссовъ могла сохранить малороссійскій бытъ и укладъ жизни. Съ какой любовью и проникновеніемъ они поютъ духовные стихи, рождественскіе колядки. Слушаешь ихъ и переносишься мыслью въ далекія времена. Кто былъ гениемъ, положившимъ чудные

напѣвы на духовные стихи? — Народъ. И грустно, когда подумаешь, что все это въ „прошломъ“. Были люди въ минувшіе вѣка здоровые душой и тѣломъ, любили природу, жили среди нея, среди луговъ зеленыхъ, степей привольныхъ, и, конечно, великая и щедрая мать природа навѣвала великія мысли и дивныя мелодіи.

Что могутъ дать теперь намъ вѣчно гремящія, шипящія, пропитанныя смрадомъ фабрики? Они убили душу, убили поэзію.

П Ъ С Н И.

Купала на Йванѣ.

*Купала на Йванѣ!..
Та купався Иванъ
Та въ воду впавъ,
Купала ай на Йванѣ!..
А на Петра хмѣль пекла,
А на Ивана выбирала,
Купала на Йвана!..
Шли дѣвочки по ялидочки,
А молодці по полуницѣ.*

Пѣсню эту пѣли въ старину въ Малороссіи. Въ ночь подъ „Ивана Купала“ (24-го Іюня) „дѣвчата“ и „парубки“ собирались за селомъ, у опушки лѣса, недалеко отъ рѣки. Сюда „парубки“ приносили соломы, хвороста и раскладывали все это на небольшія кучки, разстояніе между которыми приблизительно не болѣе двухъ саженой. Вечеромъ, при заходѣ солнца, зажигали костры. „Дѣвчата“ становились въ рядъ и пѣли пѣсню „Купала“. Пропѣвши первый куплетъ, онѣ начинали перепрыгивать черезъ костры одна за другой; по окончаніи этого, „дѣвчата“ возвращались обратно на то же мѣсто и продолжали пѣть второй куплетъ и вновь перепрыгивать черезъ костры и т. д. до окончанія послѣдняго куплета пѣсни. Въ то время когда „дѣвчата“ перепрыгиваютъ черезъ костры, „парубки“ въ сторонѣ отъ нихъ поютъ другія украинскія пѣсни. Затѣмъ, молодежь сходится вмѣстѣ. Поютъ пѣсни, танцуютъ малороссійскіе танцы вплоть до „гопака“, а затѣмъ идутъ на рѣку и ката-

ются на лодкахъ. Въ Кіевской губерніи этотъ обычай совершается иначе. Въ ночь подъ „Ивана Купала“ „парубки“ и „дѣвчата“ срываютъ въ ростъ человѣка вербу и прикрѣпляютъ къ вѣткамъ ея свѣчи. Обвѣшиваютъ вербу вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ, зажигаютъ свѣчи, ходятъ вокругъ вербы и поютъ „Купала на Йвана“! Затѣмъ идутъ къ рѣкѣ. „Парубки“ во время шествія на рѣку стараются срывать вѣнки съ вербы, но имъ это не удается, такъ какъ „дѣвчата“ оберегаютъ вербу и не допускаютъ до нея. Сопровождается все это шутками, весельемъ безпредѣльнымъ.... Наконецъ, приходятъ къ рѣкѣ. Поютъ „Купала на Йвана“, и погружаютъ вербу съ вѣнками въ воду.

Затѣмъ, отправляются въ лѣсъ искать цвѣтокъ папоротника, который по народному повѣрью, будто-бы цвѣтетъ въ двѣнадцатъ часовъ въ ночь подъ „Ивана Купала“. Кто найдетъ этотъ цвѣтокъ, тотъ будетъ счастливъ.

==== Та тумань яромь. ====

Та тумань яромь,
Морізь долиною,
Та не по правді,
Та козаченько
Живе съ дивчиною.
Та по тімъ боці,
Та Дунай річкі

Цїгане стояли,
Та міжъ тими,
Та цїганами
Цїганка-воріжка.
Та до тієї цїганочки
Протоптана доріжка.

Петрівочка—мала нічка.

Петрівочка—мала нічка
Не выпалась, моя дівочка.
До череди вионяла,
На пеньки ноги позбивала,
Вже корови пішли въ діброви,
А телята пасуть хлопьята.

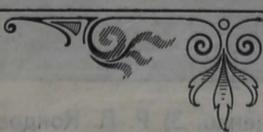
Ету пѣсню „дівчата“ поють въ Петровъ постъ во время полки огородовъ.

==== Ой, знати, знати. ====

Ой, знати, знати,
Хто кою лубе,
Стисне до серденька,
Щей приолубе.
Ой, знати, знати
Въ кою е дочки
Втоптані стежечки
Черезъ садочки.

Ой, знати, знати
Хто не женатій:
Білее личенько,
Якъ въ паненяті.
Ой, знати, знати
Хто оженився:
Скорчився, зморщився,
Щей зажурився.

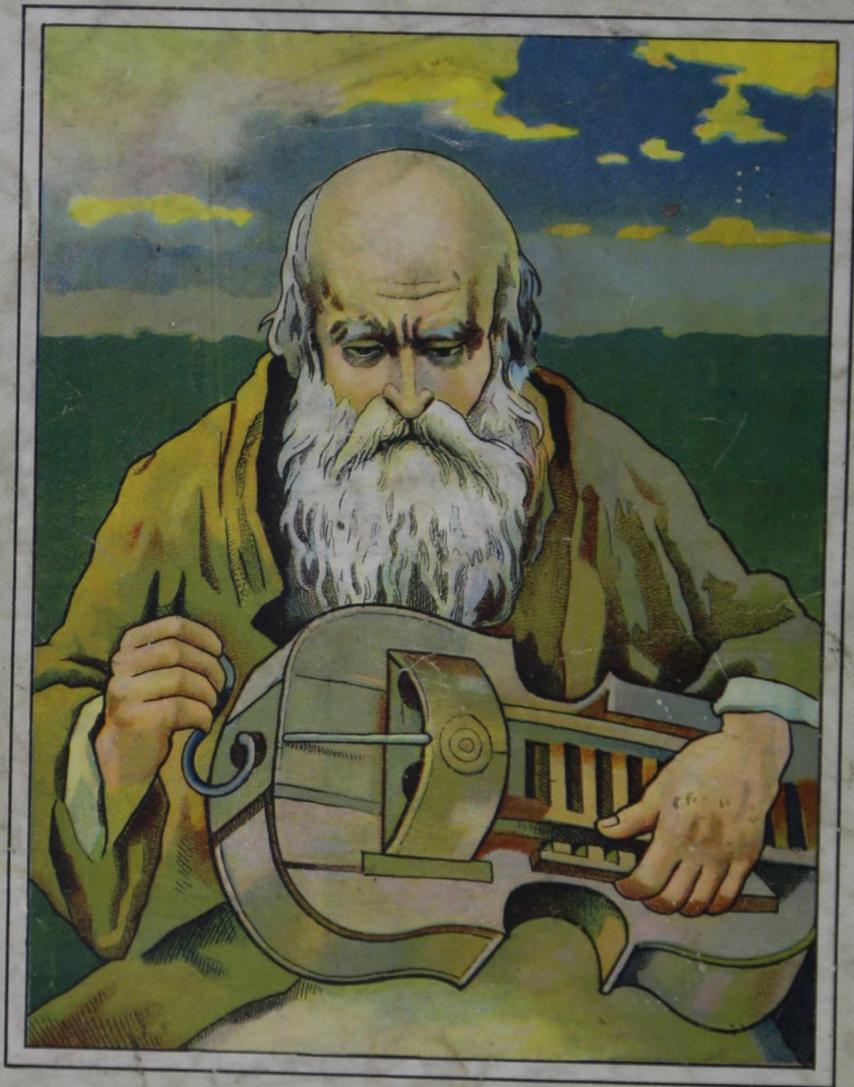
„Ансамбль народной пѣсни М. Е. Пятницкаго“.

1) П. В. Козмовская, 2) М. А. Шевченко, 3) Р. А. Кондра, 4) М. Е. Пятницкій,
5) В. К. Шевченко.

„Когда жъ дождичекъ пройдетъ,
Полынь-травка она воздухохнетъ...“

Отчего же этого,
вотъ, камень,
Камень зараж=
дается?..“

Отчего
э
Волга
в

„Кому повѣмъ печали моя,
И кого призову къ рыданію.
Токма тебѣ увладыко мой!..“

Изданіе 1914 года.